

ЧАСОСЛОВЪ ЭОІОНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Издатель и перевелъ на основаніи нѣсколькихъ рукописей *Б. Тураевъ* (С.-Петербургъ, 1897, VІІІ+175 стр. in-4°) (Записки Императорской Академіи Наукъ, VІІІ серия: по Историко-Филологическому Отдѣленію томъ I, № 7). Цѣна 1 р. 50 к.

Сколько знаю, эоіонская касса типографіи Императорской Академіи Наукъ никогда еще не работала такъ усиленно, какъ въ 1896 и 1897 гг.: академикъ *Дорнъ*, *П. К. Коковцовъ*, даже и *О. Э. фонъ-Леммъ*, издали по-эоіонски только строки, тогда какъ въ „Часословъ Эоіонской Церкви“ даны 84 страницы in-quarto эоіонскаго текста. Ученый издатель, доцентъ С.-Петербургскаго Университета *Б. А. Тураевъ*, матеріалы для изданія собралъ въ библіотекахъ С.-Петербурга, Берлина, Парижа и Лондона. Подъ скромнымъ выраженіемъ «на основаніи нѣсколькихъ рукописей» разумѣется почтенная цифра—*одиннадцать* рукописей (2 петербургскія, 2 берлинскія, 2 лондонскія, 5 парижскихъ); но эти одиннадцать рукописей составляютъ только выборъ изъ тѣхъ литургическихъ сборниковъ, которые издатель обследовалъ въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ. Рѣдкій между свѣтскими учеными знатокъ нашего православнаго богослуженія, издатель всюду отмѣчаетъ *греческій* первоисточникъ эоіонскихъ текстовъ: какъ египтологъ ex professo, онъ указываетъ соотвѣтствіе ихъ съ *коптскими* молитвами и пѣснопѣніями въ изданіяхъ *Туки Diarium* и *Theotokia*. Отмѣченныя двѣ особенности составляютъ преимущество изданія *Б. А. Тураева*, напр., даже предъ такимъ высокоцѣннымъ трудомъ, какъ *Catalogue des Manuscrits Éthiopiens de la Bibliothèque Nationale par H. Zotenberg*: въ ученыхъ замѣчаніяхъ *Зоталбера* чувствуется пробѣлъ именно

тамъ, гдѣ сравненіе съ коптскимъ текстомъ внесло бы въ нихъ надлежащую законченность.

Эѳіопскій часословъ издателемъ переведенъ на церковно-славянскій языкъ. Мѣстами это, разумѣется, ново-славянскій языкъ, „необычность“ котораго замѣтна для слуха, привыкшаго къ тексту нашихъ богослужебныхъ книгъ. Причина этого явленія объяснена самимъ издателемъ. „Я переводилъ, стараясь ближе держаться подлинника“ [т. е. эѳіопскаго текста] „и сохраняя перѣдко даже расположеніе словъ, желая дать хотя нѣкоторую возможность лицамъ, не знакомымъ съ эѳіопскимъ языкомъ, составить себѣ понятіе о томъ, въ какомъ видѣ дорогія для насъ молитвословія произносятся въ отдаленной Африкѣ“.—Я вполне согласенъ съ мыслию Б. А. Тураева—перевести эѳіопскій текстъ именно на церковно-славянскій языкъ и думаю, что отъ перевода на русскій языкъ „Эѳіопскій Часословъ“, какъ богослужебная книга, утратилъ бы очень много и не пріобрѣлъ бы ничего.

Для главнаго контингента читателей „Христианскаго Чтенія“ изданіе Б. А. Тураева представляетъ тотъ интересъ, что даетъ имъ возможность—познакомиться отчасти съ богослуженіемъ абиссинъ, которыми въ наши дни многіе интересуются,—и познакомиться по тексту совершенно надежному, не по пересказамъ изъ пятого въ десятое, почерпнутымъ изъ непонятаго источника. Для литургистовъ же этотъ „Часословъ“ является какъ новый матеріалъ для сравнительнаго изученія богослужебныхъ чиновъ и прежде всего ставить предъ учеными изслѣдователями вопросъ—сколько понимаю—не легко разрѣшимый: когда (при какихъ благоприятныхъ условіяхъ) нашъ православный (слѣдовательно константинопольскій по основѣ) чинъ произвелъ такое мощное вліяніе на монофизитское богослуженіе патриархата alexandrijskago?

Позволю себѣ высказать догадку относительно *мѣста* изданнаго „Часослова“ *въ церковной исторіи Эѳіопіи*.—Изслѣдованіе эѳіопскихъ рукописей привело Б. А. Тураева къ заключенію, что эѳіопскіе часословы представляютъ три, или даже четыре, различные богослужебные типа. Изданный имъ „Часословъ“ «приближается къ православному» чину и предполагаетъ коптское посредство; напротивъ „второй типъ“ «обязанъ своимъ происхожденіемъ эѳіопской почвѣ». — Въ эѳіоп-

ской лѣтописи (târik) подъ царствованіемъ ныгуса Амда-Ційонъ [«Стольцъ Сіонскій»] I (съ конца 1314 или начала 1315-го по 1344 г. по р. Хр.) отмѣчено и слѣдующее: «Говорять также, что во время его сдѣлались извѣстны [букв.: *востали*] абба Евостатевосъ ¹⁾ и абба Гійоргисъ, баала-саатать, изъ Гасча». Выраженіе «ba'ala sabatât» значить буквально «dominus (possessor) horarum», *господинъ (хозлинъ) часовъ*, но по аналогіи съ терминомъ «баала-дыгва» = *знатокъ церковнаго пѣнія* можетъ быть понято и въ смыслѣ *знатокъ часовъ*. Къ довершенію всего самый титулъ этотъ въ лѣтописи искаженъ въ бессмысленное «ba'ala satât», и потому неудивительно, что René Basset этотъ терминъ оставилъ безъ перевода и написалъ: «Abbâ Giyorgis (Georges)... de Gâsthiâ». Однажды я обратилъ вниманіе покойнаго іеродіакона Христо-дула (Габра-Крыстосъ) на эту строку лѣтописи, и онъ сряду же, безъ единой секунды раздумья, сказалъ мнѣ, что авву Георгія называють «баала саатать» потому, что онъ составилъ часы, богослужебный чинъ (въ изданіи Б. А. Тураева «часословъ» по-эфіопски называется *maixâfa çalôta sa-atât*, *книга молитвы часовъ*). Для меня стало ясно, что мой собесѣдникъ передаетъ мнѣ безспорное убѣжденіе абиссинскихъ ученыхъ ²⁾. Въ чемъ бы собственно ни состояла заслуга аввы Георгія относительно „часовъ“ ³⁾, доставившая

¹⁾ Ср. „Хр. Чт.“ 1888, II, 45.

²⁾ Это извѣстіе читается и въ невозможномъ произведеніи *Е. Е. Доманева*, Страна Эфіоповъ (С.-Петербургъ, 1896), стр. 119.

³⁾ Во всякомъ случаѣ нельзя авву Георгія считать композиторомъ церковнаго пѣнія „часовъ“. Эфіопскіе «гласы» твердое абиссинское преданіе возводитъ къ Яреду сладкопѣвцу, дѣятелю — несомнѣнно — еще аксумскаго періода исторіи Абиссиніи, а музыкальные знаки (± ноты, крюки) въ Абиссиніи явились на цѣлые два вѣка позже Георгія. Подъ царствованіемъ Галавдевосъ-Ацнафъ Сагадъ I (2 сент. 1540 † 22 марта 1559 г.) въ лѣтописи записано: «И во дни сего ныгуса Галавдевоса сдѣлались извѣстны (букв. *востали*) азажъ Гера и азажъ Рагвель, священники, знагоки [церковнаго] пѣнія (zemâ), и начали вводить изображеніе *ыма* (milkat za-dig'wâ). И онъ [ныгусъ] назначалъ ихъ священниками въ [церковь] Тадбаба-Марьямъ [= «Балдахинъ Маріи»], которую онъ самъ построилъ» (Мѣстечко *Тадбаба Марьямъ* въ землѣ Амхара лежитъ подъ $\varphi = +10^{\circ}53'$, $\lambda = +38^{\circ}36'$ Greenwich на картѣ у Arn. d'Abbadie). — Если вы раскроете абиссинскую полную церковную книгу, то увидите въ ней (напр. на Tafel III въ *A. Dillmann Die Handschriften-Verzeichnisse der kön. Bibliothek zu Berlin*) поверхъ текста написанные болѣе мелкимъ почеркомъ эфіопскіе слоги, и вмѣстѣ ни въ отдѣльности не имѣющие никакого грамматическаго смысла. Эти-то бессмысленные слоги абиссинны и называють «дыгва». Такъ какъ слова «дыгва» нѣтъ ни въ эфіопскомъ ни въ амхарскомъ (Antoine d'Abbadie) лексиконѣ, то видно это искусственно образованный terminus technicus въ родѣ европейскихъ «solmisation», «solfeggio», «нефартиний ключъ». И я едва ли опи-

то, что чрезъ смерть Сына Твоего Ты даровалъ намъ жизнь». — Что бы эта замѣтка аввѣ Георгію ни приписывала, текстъ ли молитвы или толкованіе на нее (амхарско-эіопское выраженіе можно съ равнымъ правомъ понимать и въ томъ и въ другомъ смыслѣ), слѣдуетъ во всякомъ случаѣ предполагать, что слова этой молитвы должны встрѣтиться именно въ томъ „часословѣ“, за составленіе котораго, проведено въ церковную практику или объясненіе, абба Гіоргисъ названъ «баама-саататъ». Но выписанныя выше эіопскія слова читаются на стр. 58—59 изданія Б. А. Тураева: это — *переведенный съ коптскаго «опустительный» шестаго часа. Слѣдовательно, изданный въ нынѣшнемъ году «во градѣ святаго Петра» „Часословъ“ въ эіопской церкви введенъ въ употребленіе въ первой половинѣ XIV в. Это заключеніе вполне совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ объ общемъ ходѣ церковной жизни въ Абиссиніи, которое я имѣлъ случай изложить еще въ 1896 г. ⁵⁾ Абба Гіоргисъ гасчаскій былъ продолжателемъ дѣла папаса Салама, «переводчика писаній съ арабскаго на гызъ», — былъ (можетъ быть) даже сподвижникомъ этого митрополита, работалъ по его порученію. Это былъ тотъ историческій моментъ, когда копты приложили серьезныя усилія къ тому, чтобы закрѣпить за собою Абиссинію навсегда, и съ этою цѣлію попытались установить въ Абиссиніи какъ библейскій текстъ, такъ и богослужебный обрядъ, вполне согласный съ коптскимъ. Вторую половину этого тезиса можно доказывать лишь съ изданіемъ Б. А. Тураева въ рукахъ и по выясненіи его отношенія къ «господину часовъ» аввѣ Георгію. Отсюда же вытекаетъ и дальнѣйшій тезисъ: *этотъ Часословъ по всей вѣроятности имѣетъ первостепенную важность для опредѣленія тѣхъ эіопскихъ рукописей, въ которыхъ сохранился священный текстъ въ рецензій папаса Салама ⁶⁾.**

⁵⁾ Въ описаніи codex aethiopicus Sablerianus въ Журналахъ Совѣта за 1895—1896.

⁶⁾ Въ предисловіяхъ къ „Часослову“ Б. А. Тураевъ упоминаетъ и мое имя. Это заставляетъ меня сказать, что стр. I—VIII, на которыхъ — при всей ихъ краткости — ученый издатель сообщаетъ такъ много о тѣхъ „Часословахъ“, — и мнѣ сдѣлались извѣстны лишь по выходѣ „Часослова“ въ свѣтъ (а не въ корректуру, которую я началъ просматривать лишь со стран. 2). Иначе и излагаемая мною теперь соображенія предложилъ бы на благосклонное обсужденіе Б. А. Тураева болѣе своевременно, чтобы дать ему возможность высказаться о нихъ напр. во второмъ предисловіи (стр. 106—109).

Думаю, что Б. А. Тураевъ вполне правъ и въ томъ его сужденіи, что «второй типъ» Часослова возникъ на эіопской почвѣ. Но вотъ вопросъ: хронологически этотъ «второй типъ» не предшествуетъ ли часослову аввы Георгія? Благодаря любезности ученаго издателя, я имѣлъ въ рукахъ его выписки изъ Brit. Mus. Orient. 557 (сl по каталогу Wright),—рукописи, представляющей этотъ «второй типъ». Въ этихъ ех² сепрта меня, какъ историка, интересовали собственно стихотворныя пѣснословія въ честь преподобныхъ, въ цѣломъ 30 строфъ, которыя, какъ я думаю ⁷⁾, начинаются 12-мъ хыдаръ (8 ноября) и оканчиваются едва ли не 4 хыдаръ (31 октября), т. е. даютъ нѣкоторое представление о мѣсяцесловѣ за цѣлый годъ. Рукопись сл не древняя (писана въ 1739 г.); самыя строфы въ честь преподобныхъ окончательно редижированы едва ли ранѣе XVI в. ⁸⁾. Тѣмъ не менѣе типъ мѣсяцеслова, по которому онѣ расположены, представляется очень своеобразнымъ.

а) Подлѣ общеизвѣстныхъ эіопскихъ преподобныхъ ⁹⁾ встрѣчаются имена малоизвѣстныхъ, напр. «абба Багчу», «праведные вацѣфскіе», «святые кыдихскіе», «святые изъ Дабра-Дегва» ¹⁰⁾; нѣкоторые изъ нихъ, при всей ихъ необщеизвѣстности, однако фантастично-легендарны (напр. «абба Йоханни», «царь Ясай», скончавшій дни свои на древѣ «съ птицами посреди птицъ»).

б) Отношеніе строфъ къ легендѣ о «деяти святыхъ» необычно: изъ девяти упомянуты лишь трое: абба Ликаносъ, абба Гарима и абба Панталевонъ, и въ числѣ опущенныхъ—

⁷⁾ Въ рукописи дни и мѣсяцы не поставлены, но строфы идутъ видимо въ послѣдовательномъ порядкѣ по днямъ мѣсяцеслова.

⁸⁾ Если только я не ошибаюсь, отождествля «льва пустыннаго» «авву Йосефа», который «шестидесяти сильнымъ чета» съ «аввою Йосефомъ»—«свѣтлымъ міра» (въ синаксарѣ подъ 19. гынботъ), а этого послѣдняго—съ «Йосефомъ ынгвайскимъ», котораго евстаіанская *generatio monachorum* (*Idata malaikosât*) считаетъ представителемъ уже пятой генерациі послѣ Евстаѳіа. Ср. прим. 1.

⁹⁾ Кому изъ эіопистовъ неизвѣстны напр. такія имена, какъ Габра-Манфасъ-Кыддусъ, Такла-Хайманотъ, Евстагевосъ, Самуель изъ Гадама-Вали?

¹⁰⁾ Двѣ строфы («Sinoda»=17. хыдаръ, «Iyasus-Mo'a»=26. хыдаръ) я могъ опредѣлить (отнести къ указываемымъ числамъ) только при помощи *Fasti Sacri Ecclesiae Aethiopicae* у Лейтхольфа; превосходили описанія эіопскаго синаксаря, составленныя Динльманномъ и Зотанберомъ, оказались не достаточными для этой цѣли: наличная рецензія полного синаксаря опускаетъ этихъ преподобныхъ.

не кто меньшій, какъ самъ За-Микаель Арагани! Но абба Либанось ублажается ¹¹⁾.

в) Звѣзда аввы Іасусть-Моа ¹²⁾ еще не исчезла въ лучахъ превосходящей славы аввы Такла-Хайманоть. Эта подробность, по моему мнѣнію, говоритъ о томъ, что строфы стоятъ на архаической почвѣ.

¹¹⁾ Для географическаго освѣщенія дѣла (изъ *Connaissance des Temps* 1895, карты А. Petermann—В. Hassenstein 1864, и показаній у Rirpell и Neuglin) привожу слѣдующія данныя:

	φ	λ отъ Greenwich.
1. Aksum	+ 14°07.7 ₀	+ 38°44.3 ₀
2. Abuna Liqānos	+ 14°08.3 ₀	+ 38°45.2 ₀
3. Abuna Pantalewon	+ 14°08.6 ₀	+ 38°46.1 ₀
4. Adīwa	+ 14°09.7 ₀	+ 38°55.4 ₀
5. Abba Garimā	+ 14°10.7 ₀	+ 38°58.1 ₀
6. Dabra Dāmno	+ 14°22.6 ₀	+ 39°19.7 ₀
7. Gambaba Mata-Libanos	+ 14°47.4 ₀	+ 39°16.2 ₀

№№ 2 и 3—холмы на которыхъ подвизались абунa Либанось и абунa Павталевонъ; холмъ № 2 имѣеть и специальное географическое названіе: Дабра Кванациль (dabra q'wanāçil), *гора мисль*. № 5—гора, прославленная побѣдою абиссинъ надъ итальянцами, вѣроятное мѣсто подвиговъ аввы Йисхака (yislaq), прозваннаго Garimā, т. е. *ужаснаго*. № 6—монастырь, основанный аввою Замикаелемъ старцемъ (Zamika'el Araqāwi). № 7. Gambaba, это или «гымба абба», gimba abba, или «гамбо абба», gambo abba. Gimb значить *башия, крѣпость, замокъ, гамбо—ведро, сосудъ для воды*. Последнее толкованіе названія, «ведро аввы Матам Либаноса», не невозможно, такъ какъ абиссинцы этому преподобному приписываютъ чудо: онъ ударилъ въ скалу и извелъ изъ нея воду. Но первое объясненіе, «столпъ аввы Матам Либаноса», конечно весьма просто и совершенно естественно. Положеніе этого «abba Libānos», называемаго также «Matābi» (3. тѣрь) въ абиссинской агиологии довольно неопредѣленное: къ девяти святымъ его видимо не причисляютъ, но склонны считать современникомъ ихъ. Исторически интересно то, что абиссинскія преданія все монашество Эіюпіи возводятъ къ двумъ корнямъ: къ аввѣ Замикаелю Арагани, старѣйшему изъ девяти святыхъ (въ происходившихъ отъ него генерацияхъ значится и Такла-Хайманоть), и къ аввѣ Матам Либаносу (къ этой вѣтви принадлежатъ и Евостатовсь).

¹²⁾ Строфа въ честь его:
 „Совершенно монашество,
 „Благоуханна святыня
 „(аввы) Іасусть-Моа
 „Никогда не входило

„Слово прайдное во уста его.
 „Счетомъ 50 лѣтъ не лежалъ онъ
 на боку своемъ.
 „Ароматомъ райскимъ отзываетъ
 (=olet) благоуханіе его“.

Іасусть-Моа—несомнѣнно magnum nomen изъ древней исторіи эіюпской церкви, и вопросъ объ отношеніи его къ Такла-Хайманоть интересуетъ «рожденія монаховъ». а) Позднѣйшіе памятники этого рода (на амхарскомъ языкѣ) храбро увѣряютъ, что (одинъ изъ преемниковъ Замикаела Арагани, игумень дабрадаммоскій) «абба Йоханни произвелъ въ монахи, амапакаса, абунa Такла-Хайманоть, абунa же Такла-Хайманоть—(авву) Іасусть-Моа». б) Другіе просто утверждаютъ, что абба Йоханни родилъ Іасусть-Моа хайкскаго, Ыбна-Саабитъ, Даньеля, Арсаміона, Такла-Хайманоть. в) Третьи представляютъ дѣно хитрѣе. Къ абба Йоханни прибылъ Іасусть-Моа и, получивъ отъ руки его монашество, возвратился въ землю хайкскую и здѣсь содѣлался отцемъ многихъ мона-

Наконецъ г) строфа въ честь архангела Михаила упоминаетъ о «Голгогѣ» и «Амануель», знаменитыхъ храмахъ,

хоть. Самъ абуна Такла-Хайманотъ получилъ отъ Іисусъ-Моа что-то въ родѣ ризофора (ἵψα, ἄρα, vestem militis), затѣмъ отправился въ Дабра-Даммо и отъ аввы Йоханни получилъ схиму и кукуль. Когда на обратномъ пути его увидѣлъ въ этомъ одѣяніи Іисусъ-Моа, то сказалъ ему: «послѣ сего будь моимъ аввою, дай мнѣ схиму и кукуль». И онъ далъ ему.—Историческая дѣйствительность, съ которою эта легенда считается, состоитъ въ томъ, что напр. въ XVI в. ѳчаге былъ первымъ по митрополитѣ духовнымъ лицомъ въ Абиссиніи, а акабе-саатъ—лишь первымъ по ѳчаге, но далеко не такое было отношеніе этихъ должностей въ эпоху «договора», въ 1270 г. по р. Хр. когда—по выраженію лѣтописи—ныгусъ-Йыкуно-Амлакъ возвратилъ себѣ царство отъ Загве по молитвѣ папаса аввы Кирилла (Gerillos) и по молитвѣ аввы Іисусъ-Моа, игумена хайкскаго, и по ходатайству блаженного отца славнаго главы отцевъ абуна Такла-Хайманотъ, игумена дабра-либаносскаго.—Не смотря на то что Такла-Хайманотъ почтенъ здѣсь цѣлою гирляндю титуловъ и ему, повидимому, принадлежала чисто активная роль («ходатайство» въ отличіе отъ «молитвы») въ этомъ политическомъ событіи, вполне ясно, что въ 1270 г. въ Абиссиніи вторымъ духовнымъ сановникомъ (первымъ по митрополитѣ) былъ игумень хайкскій, не игумень „дабранибаносскій.“ „И за сіе“,—продолжаетъ лѣтопись,—„поставилъ онъ (Йыкуно-Амлакъ) отъ чадь абуна Такла-Хайманотъ ѳчаге по завѣту и клятвѣ, а отъ чадь абуна Іисусъ-Моа акабе-саатъ, чтобы [это назначеніе] было имъ въ настлдіе (ἵστα) въ роды родовъ. И это распоряженіе [касающееся ѳчаге] остается въ силѣ и не прошло даже доднесь; но (послѣ) акабе-саатъ цари, бывшіе послѣ него, передали въ другое колѣно (παράδ), разоряя завѣты, на которомъ Йыкуно-Амлакъ клялся имъ именемъ Бога живаго». Трудно допустить, чтобы Йыкуно-Амлакъ распредѣлилъ духовныя должности между двумя игуменами не соображаясь съ желаніемъ игумена хайкскаго. Постъ ѳчаге (нѣчто въ родѣ благочиннаго надъ всѣми монастырями Абиссиніи) предполагаетъ высокій авторитетъ in spiritualibus, постъ акабе-саатъ общаецъ почти власть in saecularibus. Акабе-саатъ (это имя, ἄκαβε σαάτ, буквально значить *хранитель часа*) занималъ въ сущности, *прислужную* должность—такъ сказать—*«ближнюю священника»*. При ныгусѣ Зар'а-Якобъ († 26 августа 1470 г.) акабе-саатъ Амха-Цѣйонъ «приближался къ царю во всякое время» и имѣлъ привилегію, вмѣстѣ съ немногими, сопровождать цари, когда тотъ отправлялся въ церковь для пріобщенія св. таинъ. Эта близость къ ныгусу повела къ тому, что «никто изъ людей не взиралъ» на лицо акабе-саатъ, когда онъ выходилъ изъ своихъ апартаментовъ, и только 2—3 пажла, да «однѣхъ пажъ върныхъ монаховъ его», имѣли доступъ въ апартаменты его. «Все это—ради чести царства». «И послѣ того, какъ воцарился сынъ его, Баида-Марьямъ, сказалъ акабе-саатъ Амха-Цѣйонъ всей знати (ἑταῖρα) зѳионской, стоя предъ престоломъ высокимъ: „Гласъ царя нашего Зар'а-Якобъ, глаголющъ сице: *царь—Баида-Марьямъ, не по моему хотѣнію; но повелѣлъ мнѣ Господь, да воцарю надъ вами именно его, о люди зѳионскіе!* Такъ говорилъ предъ своею кончиною государь мой Зар'а-Якобъ, какъ я послушествова предъ ангелы и человеки; а если я солгалъ, послушъ мой—Духъ Святый“.—Такой постъ, разумѣется, могъ открыть путь къ самому широкому вліянію на ныгуса, а слѣдовательно и на государственный дѣла Абиссиніи. Но, въ концѣ концовъ, чисто духовный авторитетъ ѳчаге оказался наиболѣе прочнымъ, и абуна Іисусъ-Моа, выбравъ званіе акабе-саатъ «въ настлдіе» «надамъ своимъ», просчитался... Опасность таилась въ этой постоянной близости къ лицу ныгуса: это «обереганіе часа» могло показаться стѣснительною нравственною опекою надъ личностью самого государя. (Припомнимъ аналогичное явленіе: разнѣ византійскіе императоры очень любили тѣхъ вселенскихъ патріарховъ, которые совершенно серьезно практиковали свое «право печало-

высѣченныхъ въ скалѣ царемъ Лалибала ¹³⁾ и, повидимому самого этого царя Лалибала, подъ его царственнымъ именемъ Габра-Маскаль, ублажаетъ строфа подъ 30 хыдаръ (26 ноября) ¹⁴⁾.

Изъ всей совокупности отмѣченныхъ признаковъ, какъ кажется, слѣдуетъ тотъ выводъ, что разсматриваемыя строфы были предназначены для богослужебнаго употребленія въ одномъ изъ монастырей, возводившихъ свою «генеалогію» не къ Замикаелю-Арагави, а къ аввѣ Матау-Либаносу. Этотъ монастырь, по всей вѣроятности, лежалъ въ области Ласта ¹⁵⁾.

ванія»?). И преемники Йыкуно-Амлакъ, чтобы ограничить значеніе акабе-саатъ, резонно передали это званіе «въ родъ инь», который, пользуясь этою честію не по праву, не по завѣту клятвенному, а по самодержавной милости выгусовъ, будетъ доволенъ и тѣмъ объемомъ вліянія, какой отодила имъ воля самого государя.—Въ XIII—XV вв. постъ акабе-саатъ былъ важнѣе, чѣмъ знаніе ичаге, и естественно было думать, что абуна Ясусъ-Моа «родиль» игумена дабралибаноскаго Такла-Хаймавотъ. Но взаимное отношеніе этихъ должностей въ XVI в. было уже совсѣмъ не то, и казалось «невѣстнымъ», чтобы абуна Такла-Хаймавотъ былъ сыномъ аввы хайкскаго; и легенда пытается установить болѣе сообразную съ измѣнившимися отношеніями «генеалогію монаховъ» и провозглашаетъ авву хайкскаго то братомъ, а то и сыномъ славнаго главы отцевъ абуна Такла-Хаймавотъ.—А тотъ фактъ, (ср. выше прим. 10), что оба синаксари, описанные Дилльманомъ и Зотанберомъ, и богослужебныя книги codd. clxxxix—cxci Wright не упоминаютъ памяти Ясусъ-Моа (подъ 26 хыдаръ), *legentibus atque intellegentibus* показывается, что иныя легенды способны воинствовать *per fas et nefas*.

¹³⁾ Въ городѣ Лалибала (въ Ласта) подъ $\varphi = + 12^{\circ} 0'$ $\lambda = + 39^{\circ} 11' 7$ Gr.

¹⁴⁾ Противъ этого предположенія, конечно, можно спорить. Во-первыхъ, подъ этимъ числомъ въ синаксарѣ упоминается «кончина Габра-Маскаль, царя Эѳіопіи, православнаго», т. е. видимо древняго аксумскаго Габра-Маскаль I. А «кончина Лалибала, блаженнаго царя Эѳіопіи», отмѣчена подъ 12. сане (6. іюня).—Во-вторыхъ, Габра-Маскаль ублажается за то, что «пошедъ, удалился въ пустыню, возсѣдши верхомъ на льва, опустивъ узду»; а въ житіи царя Лалибала (ed. J. Ferruchon, Paris 1892) о такомъ чудѣ нѣтъ рѣчи: Но а) «соты меда сладкаго», о которыхъ говорится въ строфѣ, напоминаютъ именно царя Лалибала. б) Историческій день его кончины вѣроятно неизвѣстенъ: житіе увѣряетъ, что онъ скончался 22. хазиравъ (т. е. 22 іюня = 28. сане); синаксари ставятъ его кончину подъ 12-е сане, можетъ быть, ради праздника архангела Михаила, явившагося этому царю; слѣдовательно въ древности, для празднованія ему, могли выбрать день памяти соименнаго ему царя Габра-Маскаль I. в) Въ G. Rohlf's, *Meine Mission nach Abessinien* (Leipzig 1883), между прочимъ данъ рисунокъ, изображающій какого-то (повидимому) святаго, съ посохомъ въ правой рукѣ, верхомъ на львѣ. Рольфъ комментируетъ: «Негусъ, государь надъ Абессинією, ѣдетъ верхомъ на львѣ (символь страны)». Этотъ рисунокъ перенесенъ и въ книгу *Е. Е. Долганова* (стр. 110) (конечно московскій авторъ считаетъ ниже своего достоинства—прочитать Рольфа),—но съ измѣненною подписью: «Св. Лалибела». *Begad-kerat* въ произношеніи («ве» вм. «ба») составляетъ догадываться, что это толкованіе идетъ отъ іеродіакона Габра-Крыстосъ. Слѣдовательно абиссинскіе дабтара знаютъ другую версію житія св. Лалибала.

¹⁵⁾ Въ числѣ церквей, построенныхъ царемъ Лалибала въ городѣ того же имени, одна посвящена аввѣ Матау-Либаносу. Ее строила соб-

Рукопись сі написана для Дабра-Цахай, т. е. для построенной близъ Гондара церкви Богородицы квыскамской. Ее построили царь Іясу II (1730—1755) и его мать, знаменитая въ исторіи Абиссиніи йтеге Мынтывабъ. Вѣроятно царственные ктиторы пожелали, чтобы въ Дабра-Цахай богослуженіе совершалось самымъ торжественнымъ образомъ, и для этого избрали древній (догеоргіевскій) чинъ часовъ, который въ исторіи эіопской литургики, быть можетъ, имѣлъ такое же значеніе, какое въ исторіи богослуженія константинопольской церкви знаменитое «пѣсенное чинопослѣдованіе».

Въ заключеніе предлагаю одну поправку къ тексту «Часослова». На стр. 127 мы читаемъ: «не упустите полунощи, молитесь, и иже выну молятся, причтутся *естеству* Божію». Это упованіе представляется слишкомъ смѣлымъ. Однако эіопскій текстъ, 126, 14, какъ бы подчеркиваетъ эту мысль: «будутъ зачислены въ существо (wista h'ḥunā, εἰς οὐσίαν, или точнѣе: εἰς οὐσίτητα, εἰς οὐσιώσῳνη) Божіе». Но если вмѣсто h'ḥunā (отъ глагола ha'lawā ēstī) рѣшимся читать h'ḥunā (отъ глагола ha'lawā *exubias egit*), то получится мысль болѣе скромная: «будутъ зачислены въ exubitores Божіи (въ почетный полкъ экскубиторовъ Божіихъ)», какъ это и естественно для подвизающихся къ молитвѣ и *бдѣни*.

Для лицъ, съ эіопскимъ языкомъ незнакомыхъ, этотъ Posculus можетъ иллюстрировать слова почтеннаго издателя (стр. v) о «бесконечномъ шатаніи рукописей между различными гортанными». Я ex coniectura подставляю только одну гортанную на мѣсто другой, и получается смыслъ tantum mutatus ab illo.

В. Болотовъ.

30 декабря 1897.

ственно супруга царя Лалибала. Маскаль-Кыбра.—Одна изъ горъ въ области Ласта къ сѣверу отъ г. Лалибала называется «Abuna Yosef»—быть можетъ по имени того Йосефа «льва пустыннаго», о которомъ была рѣчь въ прим. 8.